

Фаддей Булгарин

Литературные призраки

Фаддей Венедиктович Булгарин

Литературные призраки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647095

Современник;

Аннотация

«Архип Фаддеевич, большой охотник до наблюдений, просил меня однажды, чтобы я показал ему нескольких из числа поэтов подражателей, которых бессмыслице он часто удивлялся в разных журналах. Я попросил к себе на вечер четырех из числа самых отчаянных передразнивателей первоклассных наших писателей, представляющих публике лучшие их произведения вывороченными наизнанку...»

Фаддей Булгарин

Литературные призраки

*Прямой талант в других я вечно уважал
И лишь нелепостей был искренний гонитель.
Я не щадил невежд и скаредных писцов;
Что делать? И теперь я всем сказать готов:
Фирс – добрый человек, но глупый сочинитель.*

В. Пушкин

Архип Фаддеевич, большой охотник до наблюдений, просил меня однажды, чтобы я показал ему нескольких из числа поэтов подражателей, которых бессмыслице он часто удивлялся в разных журналах. Я попросил к себе на вечер четырех из числа самых отчаянных передразнивателей первоклассных наших писателей, представляющих публике лучшие их произведения вывороченными наизнанку. Эти добрые люди считают себя основателями *Новой школы*, потому единственно, что в нелепых своих творениях употребляют *некстати* некоторые новые слова и речения, кстати введенные в язык отличными писателями. Архип Фаддеевич весьма любопытствовал также узнать причину, заставившую молодых поэтов избрать путь, совершенно противоположный цели поэзии. Он, по добродушию своему, полагал, что это направление умом есть следствие нового учения или раз-

мышления. Читатель увидит, как он обманулся. В наше общество попал нечаянно один *истинный* литератор, г. Талантин, недавно прибывший в столицу из отдаленных стран, где он находился по службе; и он-то был причиною разговора, который я здесь помещаю.

Архип Фаддеевич (*обращаясь к истинному литератору*). Почему вы перестали писать? Я знаю вашу комедию, видел ее на театре, читал напечатанную и всегда восхищался живостью мыслей, плавностью стихов и занимательностью положений действующих лиц. По роду своему, она, конечно, не принадлежит к первоклассным характерным комедиям, но доказывает ваши отличные способности. Я слышал от одного знатока, что у вас есть другая комедия в рукописи, которая воскресит у нас на сцене память Фон-Визина. Но неужели вы в семь лет ничего более не произвели. Скажите мне, что вы делали?

Талантин. Учился!

Лентяев, Неучинский, Фиялкин, Борькин (*вместе*)
Ха, ха, ха.

Арх. Фад. Что вы здесь находите смешного?

Лентяев. Разве надобно учиться, чтоб быть поэтом?

Талантин. Точно так, как надобно учиться, чтоб быть музыкантом, скульптором, живописцем. Талант есть способности души принимать впечатления и живо изображать оные: предмет, природа, а посредник между талантом и предметом – наука.

(Все, исключая меня и Арх. Фад., смеются.)

Лентяев. Какой вздор! Я вам докажу собою, что науки вовсе не нужны. Еще в школе друзья мои (из которых теперь многие уже прославились), уверили меня, что я рожден поэтом. Я перестал учиться, начал писать стихи: послания, мелодические песни и анакреонтические гимны – и прославился. Воспеваю гетер, вино, лень, себя и друзей моих. Наслаждаюсь, пью радость из чаши бытия, чрезвычайно много сплю, провожу жизнь в совершенном бездействии, и слава друзей моей юности, отражаясь на мне и сливаясь с моею, доставила мне громкое имя русского Горация, Анакреона, Тибулла...

Арх. Фад. Позвольте спросить, где и кто величает вас этими именами?

Лентяев. Кто? Целый мир, все друзья мои поэты! Где? – Повсюду: я это вам докажу даже из печатного.

Неучинский. Это совершенная правда: о друг мой, мой Гораций! Впрочем, не думайте, чтобы мы никогда не заглядывали в книги: мы читали Парни, Ламартина и одну часть из курса Лагарпова.

Талантин. Подражание Парни и Ламартину – есть диплом на безвкусие, а познание литературы, почерпнутое из Лагарпа, возбуждает сожаление. Вы именно учитесь по тому, что надлежало бы забыть. Если вы хотите учиться у иностранцев, то читайте, по крайней мере, Блера, Бутервека, Шлегелей, Сульцера и т. п. Но с того ли должно начинать

русскому поэту? От него требуется, во-первых...

Фиялкин (*прерывая его*). Конечно, не метафизика, не политика, не статистика (о грамматике уже и говорить нечего); но именно то, что я предлагаю моим читателям и читательницам в продолжение полвека. Мадригалы, надписи к портретам, стишки в альбомы, по случаю подаренного цветочка, потерянной булавочки, упавшего наперсточка, сломившейся иголки. Похвалы башмачкам, ленточкам, перчаточкам: одним словом, все нежное, прекрасное, чувствительное!

Борькин. Справедливо! Но эта мысль принадлежит мне. Девять лет тому назад я объявил пред светом, что я не хочу учиться ни истории, ни политике, ни философии; не хочу быть ни биографом, ни критиком: не хочу предписывать наставления ни гражданам, ни воинам. Я сказал и докажу вам это печатным, что я о другом думаю. Одни женщины меня занимают. Я беспрестанно рассуждаю о их добродетелях и недостатках, об их вкусе и капризах и посвящаю им перо мое, как украшению государств просвещенных! В награду же я ничего не требую, кроме ласкового взгляда и улыбки. Вы видите, что я не корыстолюбив.

Я. Улыбка сожаления?

Борькин. Одной улыбки, больше ничего!

Ах, я grand быть не желаю,
Я не comte, чинам не рад,

Я огнем d'amour пылаю,
Et d'un coeurje suis богат.

Арх. Фад. (*говорит на ухо*). Воля твоя, но эти люди не в своем уме.

Я (*обращаясь к Борькину*). Но мне кажется, что вы даже писали трагедии?

Борькин. Я достиг совершенства во всех родах: писал трагедии, комедии, драмы, оперы, водевили, оды, послания, элегии, баллады, песни, эпиграммы, сатиры, издавал журнал, отличился в критическом роде. Одним словом, писал все и обо всем с успехом, со славою. Правда, что едва я взял перо в руки, как люди, почитающие себя знатоками, во весь голос, не зная сами к чему и зачем, кричали: худо, ужасно, негод-но! Но это был крик зависти; я не внимал ему и, как видите, неумоимо пишу и буду писать назло всем, до конца моей жизни. Даже завещание мое написал стихами в 180 листов, где именно прописано, что дети мои и родственники долж-ны издать в свет все мои творения, которых у меня, кроме напечатанных, 326½ пудов и два фунта.

Арх. Фад. О ужас!

Талантин. Литературный потоп!

Неучинский. Bravo! ай да наши! На что науки? – Я в че-тырнадцать лет бросил ученье, ничего не читал, ничего не знаю – но славен и велик! Я поэт природы, вдохновения. В моих гремучих стихах отдаются, как в колокольчике, лю-

бовные стоны, сердечная тоска смертельной скуки, уныние (когда нет денег) и радость (когда есть деньги), в пирах с друзьями. Я русский Парни, Ламартин: если не верите, спросите у друга моего Лентяева.

Лентяев. Клянусь Ваххом – правда! Стихи друга моего образцовые – я вам докажу это печатным.

Арх. Фад. Хотя я в первый раз имею честь говорить с вами, но позвольте вам сказать откровенно, что вы заблуждаетесь. Вижу причины сего несчастного ослепления. Это самолюбие, взлелеянное снисхождением умных людей, бестолковыми или даже ироническими похвалами друзей и – позвольте досказать – невежеством. Если бы вы чему-нибудь учились, вы бы не так думали и делали.

Фиалкин. Ученость делает человека педантом, желчным, ученость для гения все равно, что узда для коня. Мы хотим на свободе прыгать в чистом поле между цветочками и кусточками, пастись в области воображения.

Арх. Фад. То есть вы хотите быть лошадками?

Лентяев. Но древние поэты, которых нам беспрестанно поставляют в пример и которых слава возросла до такой степени, что мы, ничему не учившись, знаем их имена, древние, говорю я, не знали того, что знают наши профессора, а писали лучше их.

Арх. Фад. Позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь. Древние поэты, которых слава пережила существование омогущественных империй, были просвещеннейшими

людьми своего века. Гомер был в одно время поэт, историк, статистик, стратег, философ и мифолог. С его поэмою в руках путешественники поверяют ныне местоположения городов, рек, морей, им упоминаемых, и находят во всем удивительную точность. В Англии сделано исследование Илиады в анатомическом отношении, и доказано, что Гомер, в описании различных положений тела при борьбе и единоборстве, соблюдал величайшую верность. На Гомера ссылаются историки и географы; из его творения расплодилось многочисленное племя пиитических произведений, поэм, трагедий и проч. Виргилий – историк и этнограф в Энеиде, ученый домостроитель в Георгиках. Лукан – историк и политик в своей Фарсалии. Эврипид, Эсхил, Софокл – глубокомысленные философы, наставники своих сограждан. Одним словом, в бессмертных творениях древних видна высокая образованность, наука, возвышенная цель, и потому они навсегда останутся образцами.

Неучинский. А будто у нас нет образцовых сочинений – мои стихи помещены...

Арх. Фад. Полно, теперь спор не о словах, но об вещах.

Лентяев. Но какую же вы находите цель в творениях Анакреона, Тибулла, Горация, о которых говорят, что они воспевали только вино и любовь, подобно мне? – Я утверждаю, что поэзия не должна иметь никакой цели, кроме плавности в стихах и верного изображения чувствований.

Арх. Фад. Вы слышали звон, но не знаете, где он. Вы бе-

рете одно из условий за цель. Анакреон, Гораций и подобные им поэты имели в предмете отвлечь юношество от разврата, введенного азиатскою роскошью, и смягчить суровость стоической философии. Они воспевали радости невинных наслаждений, любовь и вино, но всегда начинали свои песни похвалою умеренности. Анакреон и Гораций советуют всегда примешивать в вино воду. Они равно презирали роскошь и безнравственность и призывали граждан к веселию после трудов, предпринятых для блага общего. Римляне и греки веселились только за ужином, после работы, а не с утра до вечера. Они пели за столом радостные гимны в честь Вакха и богини любви, но не составляли из того ремесла единственного занятия. Что же касается до древних элегий, то это образцы нежного чувства, душевной доброты, любви возвышенной, философии усладительной. Напротив того, ваши элегии, почтенные господа, выбранные по стишку из французских стихотворцев, похожи на французскую фарсу «Отчаяние Жокриса» (le desespoir de focrisse), или на жалобы мальчика, поставленного в угол за шалость. Смешно, и только.

Лентяев. Прошу не говорить так решительно о древних элегиях: это мой конек.

Арх. Фад. Разве вы знаете древние языки?

Лентяев. А это на что? – Я все знаю по инстинкту и понаслышке, и отчасти по переводам на французский язык, которого хотя я и не понимаю совершенно, но, как говорится –

маракую.

Борькин. Я некогда писал о древних женщинах, но нигде не нашел, чтобы древние поэты учились.

Арх. Фад. Это может быть потому, что вы этого не искали, а отчасти и потому, что их биографии недостаточны. Но их произведения доказывают эту истину. Второе доказательство, что без наук нельзя быть великим, вы видите из того, что и новые поэты снискали всемирную славу учением. Например, все без исключения французские писатели, прославившие век Людовика XIV и царствование Людовика XV, учились в первостепенных коллегиях. Клопшток, Вилланд, Гёте, Шиллер, Томас Мур, Лорд Байрон, Кембль, В. Скотт, Суте (Southey) и проч. кончили полный курс наук в лучших европейских университетах, и почитались в свое время отличнейшими студентами. Науки открывают поэтам новый мир, разрывают цепи воображения, которое у неучей всегда останется в тесных пределах, или, говоря вашим анакреонтическим языком, будешь всегда закупоренным в бутылке.

Неучинский. Но если кто не имел счастья учиться в университетах, неужели тот, по-вашему, осужден на вечное отвержение? вспомните, что не все имели даже случай слушать университетские лекции.

Арх. Фад. Главное дело в том, чтобы учиться, а где и как — все равно. Я упомянул об университетах только для доказательства, что новые поэты учились так же, как и древние.

В светской жизни, в тишине кабинета, можно также образовать себя чтением, размышлением, беседою с людьми учеными и сведущими в науках. Поверьте, кто хочет учиться, тот найдет время, место и средства.

Лентяев (обращаясь к Талантину). Но вы не кончили своей речи и не досказали, чего требуется от русского поэта?

Талантин. Совершенного познания русского языка, грамматики...

Борькин. Ха, ха, ха! Мы, кажется, говорим не по-киргизски!

Арх. Фад. Но пишете не по-русски.

Фиялкин. A basla Jrammaire, a basla Jrammair! (прочь с грамматикой, долой грамматику!).

Талантин. Позвольте кончить, а после делайте что хотите. Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько соплеменных славянских наречий, прочесть несколько славянских, русских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей; знать совершенно историю и географию своего отечества. Это *первое* и *необходимое* условие. После того, для роскоши и богатства, советую прочесть Тацита, Фукидида, если возможно, Робертсона, Юма, Гиббона и Миллера. Не худо также познакомиться с новыми путешественниками по Индии, Персии, Бразилии, Северной Америке и островам Южного океана. Это освежит ва-

ше воображение и породит новые идеи о природе и человеке. Весьма не худо было бы прочесть первоклассных отечественных поэтов, с критическими разборами, и, по крайней мере, из древних – Гомера, Вергилия, Горация, Гезиода и греческих трагиков. Не говорю о восточных языках, которых изучение чрезвычайно трудно и средств весьма немного. Но все не худо ознакомиться с *Восточными рудниками Гаммера* (Fundgruben des Orients) или перевернуть несколько листов в Гербелоте, в хрестоматии Сильвестра де Саси, в Азиатических изысканиях калькуттского ученого общества (Asiatic Researches) и в назидательных Письмах о Китае (Lettres edifiantes etc) – Восток, неисчерпаемый источник для освежения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного. Советую вам иногда заглядывать в сочинения, а особенно в журналы по части физических наук, чтоб не повторять рассказов нянюшек о естественных явлениях в природе и не принимать летучего огня за привидение. Благодарю вас, что вы позволили мне сказать несколько слов, и уверяю, что пока вы будете упорствовать в невежестве, до тех пор вы никогда не выйдете за черту золотой посредственности. Может быть, между вашими современниками найдутся люди, которые будут читать (по различным причинам) ваши произведения, но потомство неумолимо. Имена ваши подвергнутся той же участи, как имена поэтов, украшавших «Ежемесячные сочинения» Миллера, издавав-

шиеся в 1757 по 1764 год. Этот журнал останется навсегда драгоценным в историческом и статистическом отношении, но изящная его часть – исчезла навеки вместе с гг. сочинителями, которые, вероятно, в свое время имели своих поклонников. Прощайте! (Талантин с Архипом Фаддеевичем уходит.)

Лентяев (*говорит мне*). Скажи пожалуйста, откуда ты выкопал этих оригиналов с их нравоучением? Поверь, что мы все принимаем это за оскорбление пиитических наших дарований. Как! – нам советовать учиться? – Мщение! мщение! – Я напишу песню, в которой разбрую тебя, старика, и твоего ученого приятеля.

Фиалкин. Я, государь мой, побраню вас порядком по-русски и по-французски: напишу стишки насчет Архипа Фаддеевича и посвящу ему же. Напечатаю несколько эпиграмм и – и всего не вспомню.

Борькин. Я докажу вам и всем вашим друзьям, что вы дурно пишете, что у вас слог нехорош, много ошибок исторических и проч.

Неучинский. Я вас задену в послании к другу и напишу эпиграмму, а если надобно, то приделаю куплетец к песни друга моего Лентяева.

Я. Но за что вы сердитесь, – я отнюдь не виноват: говорили Талантин и Архип Фаддеевич.

Борькин. Вы виноваты – за то, что призвали в наше общество людей, которые говорят, что надобно учиться.

Это дерзость!

Я. То есть правда.

Борькин. Прошу вас, господа, ко мне. Там рассудим, как нам доказать, что ученье не нужно таким поэтам, как мы.

Я. Пожалуйста, докажите вместе с этим, что солнечный свет вреден.

Фиалкин. Конечно, вреден для слабых глаз.

Я. Понимаю!

Примечания

Фельетон этот, напечатанный в 1824 году в «Журнале нравов и словесности, издаваемом Ф. Булгариным» – «Литературные листки» (в № 16, с. 93–108, под инициалами Ф. Б.), замечателен тем, что, несмотря на оговорки, что в фельетоне «нет никаких личностей» и что «имена и разговоры выдуманы», под именем Талантина здесь был выведен Грибоедов. Фельетон этот для нас получает важное биографическое значение потому, что в нем от имени Талантина излагаются довольно подробно литературно-теоретические взгляды Грибоедова – какой литературной подготовки он требовал от поэта, какого рода писателей считал он наиболее достойными издания.

Номер «Литературных листков» с «Литературными призраками» датирован цензурным разрешением от 27 августа. Вероятно, вскоре после появления статьи, то есть в начале

сентября, Грибоедов написал Булгарину следующее письмо: «...тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! Вы сами тому причиною... Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тем оскорблять. Но мои правила, правила благопристойности и собственное к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной или, во всяком случае, слишком предускоренной. Вы меня хвалили как автора, а я именно, как автор, ничего еще не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнение других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!! Расстанемся. Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся, то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы верно поймете, что, поступая, как я теперь, не сгоряча, а по весьма долгом размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не пустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается». Но скоро Грибоедов и Булгарин помирились. Между

прочим, в 1835 году Булгарин изобразил Грибоедова в «Памятных записках Чухина».